

Нръ. 23. и 24. Унгваръ, 10. (22.) декабря 1887. Годъ III.

Выходитъ
1-го и 15-го числа
каждаго мѣсяца
въ объемѣ
одного печатнаго
листа.

ЛИСТОКЪ.

ДУХОВНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Подписная цѣна:
На годъ 4 гульд.
На $\frac{1}{2}$ года 2 "
На $\frac{1}{4}$ " 1 "
За границею 5 гульд.
Подписку и разныя
статьи адресовать
следуетъ редактору
въ Порошково.
(Poroskó Ungmegye).

Отвѣтственный Редакторъ: ЕВГЕІЇ ФЕЩИКЪ.

КЪ МНОГОБРЯЖАСМЪМЪ ЧИТАТЕЛАМЪ „ЛИСТОКЪ“.

Когда настоящими Нѣмерами окончиває дѣйствованіе свое въ истекающемъ годѣ, прежде всего благодарили Господа, что далъ здоровье, что крѣпилъ наши силы, — что помогъ намъ дѣло совершити. — Благодарили и читающю публикѣ, за оказанную нѣданію нашемъ поддержку.

Когда вновь рѣшилися на продолженіе своего дѣйствованія, опять прежде всего просимъ благословеніе Всевышнаго на труду свой, — просимъ свою братію, чтобы взяла во вниманіе высокую цѣль нашего изданія, и поддерживала насъ, и поддержкою своею доставляла намъ бодрость и крѣпила душу. Если публика относится къ намъ вѣло, — тогда, — не можетъ быти иначе, вѣлый будетъ и душа наша.

Многобажаємыхъ подписчиковъ своихъ, все еще находящихся въ рѣстанціи, покорнѣйше просимъ, прислати буже разъ долгъ свой. Я къ братью нашимъ воззывалъ, изволатъ каждый во кругъ своеї распространять „ЛИСТОКЪ“, и чѣмъ скорѣе обновитъ подпись, чтобы мы все нѣжноѣ около изданія его благоременно бустроити могли.

Почтенныхъ пѣкцевъ — и бучителей, которые до сихъ поръ очень холодно относилися къ „ЛИСТОКЪ“, тоже просимъ поддерживать „ЛИСТОКЪ“. Токмо такъ можемъ занатися и ихъ дѣлами въ особенности.

РЕДАКЦІЯ „ЛИСТОКЪ“.

Патронатъ.

(По поводу Гайду-Дорогскихъ событій.)

Право патроната, на основаніи благотворительности, сдѣланной церкви, на западѣ начало свое взяло въ половинѣ V-го столѣтія, когда 441 г. на синодѣ Оранійскомъ (concilium acausisanum) рѣшено, что епископъ, основавшій храмъ въ чужей епархіи, имѣетъ право назначити къ нему священнослужителя.

Это право, принятое въ латинской церкви, перешло и къ намъ греко-уніатамъ въ Галичинѣ и Угріи.

Въ Восточной церкви обычай сей введенъ VI. в. (537 г.) 57-ю Новеллою*) гл. 2. въ силу которой, тѣ мірскіе люди, которые построили храмъ, и попеченіе имѣютъ о содержаніи призначенныхъ къ нему священнослужителей: имѣютъ право такъ сами, какъ и ихъ наслѣдники, на часть этого храма, назначити способныхъ духовныхъ лицъ. Это повторено и 18-ю гл. 123-ей Новеллы царя Густиніана.

На самомъ дѣлѣ право патронатства имѣло дѣйствительное развитіе въ исторіи и ограждалось законами.

На перекорь сего, митрополитъ румынскій въ Германштадтѣ**) отри-

цаеть сіе право, ибо говоритьъ, что церковное законодательство на Востокѣ не приняло тѣхъ Новеллъ. Его мысль подтверждается тѣмъ фактомъ, что V-ый вселенскій Соборъ, бывшій въ царствованіе этого императора (553 года,) не обратилъ вниманія на упомянутыя новеллы, даже и другіе-де соборы, бывшіе послѣ, неприняли ихъ, какъ напр. VI. и VII. всел. соборы, двукратный помѣстный (provincialis) Константинопольскій, и соборъ бывшій въ храмѣ Премудрости Слова Божія (Софія), что навѣрное случилось бы, еслибы іерархія усмотрѣла, что вышеозначенныя императорскія новеллы имѣли основаніе въ Св. Писаніи. Если же и іерархія и церковное законодательство въ церкви недопускаютъ права патронатства, какъ нѣчто (по мысли преосвящ. автора) противное началамъ христіанства; то тѣмъ неменѣе она со всѣмъ вниманіемъ относится къ великимъ благотворителямъ церкви и клира, какъ при жизни, такъ и по смерти ихъ самихъ, потому что церковь ежедневно совершає молитвы за нихъ при богослуженіи. — Равнымъ образомъ и прочіе христіане оказываютъ всякое уваженіе благотворителямъ церквей и монастырей и при каждомъ случаѣ обращаются съ ними съ особыннимъ почтеніемъ, о давая имъ честь преимущественно внутри и внѣ церкви, а равно и въ прочихъ приходскихъ, епархиальныхъ и митрополичьихъ соборахъ (dóm). Всѣ благотворители церквей и монастырей, приносящіе

*) Дополненіе къ „Своду Законовъ“ (Corpus Juris).

**) „Schagna. Compendium des canonischen Rechts“. 1868.

свої пожертвованія отъ чистаго христіанскаго сердца, довольствуются молитвами, возносимыми за нихъ отъ лица іерархіи Богу, и непринимаютъ на себя никакихъ правъ, но смиленно благодарятъ Бога за то, что они имѣли возможность сдѣлать нѣчто доброе для благочестія и человѣколюбія, и сами молять Бога съ мытаремъ, чтобы Онъ былъ милостивъ къ нимъ.

Затѣмъ Преосвященный, насчетъ благотворительности въ христіанскомъ духѣ, приводить мѣста и св. Нисанія, именно: Мате. V. 7. Мате. VI. 1—5. I. Кор. X. 23—31. Лука, XXI. 1—4.

Все это относится къ частнымъ лицамъ; но у насъ суть корпораціи, пользующіяся этимъ правомъ, какъ общины, муниципалитеты, министерства, капитулы и пр. Все это еще не бѣда; но если правомъ патронства пользуются самые пасомые, то тутъ зачастую дѣлается вредъ насчетъ убытка поваги избираемаго, а еще когда это дѣлается съ подкупомъ, симоніей явной, — хотя въ древности пастыри избирались вѣрниками, но позже обычай тотъ залишенъ. Видѣто избирательнаго начала (*ελυ*) принято именованіе высшею духовною властью, что всего лучше нетолько въ сфере духовной, но и гражданской, когда заполняются чиновническія мѣста. Христосъ послалъ своихъ апостоловъ: „Яко же посла мя Отецъ и Азъ посылаю Ви“. Апостолы назначали своихъ учениковъ на епископскія мѣста, а тѣ на

прочія церковныя должности. Лучше именовательное, чѣмъ избирательное начало!

По правиламъ св. Василія В. избирательное начало практикуется и у монашескаго духовенства, гдѣ настоятель избирается братіей, но св. Отецъ нигдѣ неговорить, что только на 3—4 года, но до смерти, какъ это (изъявши у насъ въ Галичинѣ и Угріи) дѣлается на всемъ Востокѣ, Россіи и Румыніи, въ большую пользу дисциплины и церковнаго благоустройства.

К.

Человѣкъ безъ религіи и безъ Бога.

(Окончаніе.)

Что это такъ, для того не нужно доказательствъ, о томъ свидѣтельствуетъ опытъ.

Но мы не вспоминали здѣсь самое большое зло; не вспоминали о юношахъ, которые сгубились до костей и мозга, которыхъ съ блѣдными щеками видимъ шляются по улицамъ, и о которыхъ одинъ знаменитый писатель говоритъ, что если человѣкъ видѣть ихъ, уже въ воображеніи слышитъ шаги гробарей, которые идутъ похоронити эти трупы, — не вспоминали мы и тѣхъ гулякъ, которые зараженные отвратительными болѣзнями, передаютъ ихъ въ наслѣдство супругамъ и дѣтямъ своимъ. Нѣтъ, сихъ преходимъ мы молчаніемъ, поелику говоримъ только о тѣхъ, которые не

затягли на себя еще такое ужасающее опустошениe; но однако заболѣли въ душѣ и въ сердцѣ, въ волѣ и характерѣ на вѣки. Отцы, пробуждайтесь, пока не поздно! Неспособность нѣкоторыхъ людей въ дѣлахъ духовныхъ, прежде времени состарѣвшая душа ихъ, и увялое тѣло — это все слѣдствія того безбожія и безнравственности, которыхъ онъ былъ рабомъ въ молодости. И если это станетъ повторяться у миллиона людей, если сей ядъ будетъ прокрадываться изъ рода въ родъ, — какъ бы непочувствовалъ это одинъ вѣкъ? Нашъ вѣкъ могъ быти великимъ, а сдѣлался карликомъ (*törpe*). И станемъ-ли чудоватися, что въ этой буднишности, подъ крыльями безбожія и нечистоты, такіе уроды рождаются, каковъ Риголть Раоль, который едва стряслъ школьную пыль, и уже велѣль застрѣлити поручителей, зажечь Парижъ, и хотѣль скассовать Бога. Процесь секретаря его Дакосты объявилъ цѣлому міру, что Риголть Раоль въ молодости валялся въ болотѣ блуда.

VI.

Но это еще не все, что рождается отъ безбожія. Послѣ увиданія буднишнихъ (*hétközpari*) душъ слѣдуетъ увиданіе душъ великихъ.

Пока буднишныя души, лишенныя благодати вѣры, и живутъ и умираютъ просто, обыкновенно, — души великияпадаютъ въ тоску, грусть и отчаяніе ; это обстоятельство

очень осозательнымъ образомъ свидѣтельствуетъ, что душѣ безусловно нуженъ Богъ.

Вотъ одинъ юноша, — онъ смѣло вступилъ въ жизнь. О томъ никогда незаботился: есть-ли Богъ, и долженъ-ли онъ Ему чѣмъ-то. Едва шагнулъ разъ или дважды и уже приступаетъ къ нему сомнѣніе, не то сомнѣніе, которое прокрадывалося въ его душу, когда ему было пятьнадцать лѣтъ ; но печальное, мучительное сомнѣніе, которое при каждомъ несчастіи, постигающемъ его въ жизни, терзаетъ его душу. Въ молодости своей сомнѣвался въ Богѣ ; теперь сомнѣвается въ самомъ себѣ, сомнѣвается въ правильности своего первого сомнѣнія ; — его мучитъ пустота его души, потерянная безцѣльная жизнь и безславная будущность. Съ поднятыми къ небу очами говоритъ: А если однако ?

Вотъ состояніе тысячей душъ въ нашъ вѣкъ ! Много читаютъ, много учатся, много видятъ, — а все это рождаетъ въ нихъ одно горе. Не могутъ отворить ни одной книги, въ которой бы не встрѣчались съ вѣчными проблемами: съ Богомъ, Іисусомъ Христомъ, съ душой. А если не могутъ себѣ объяснить ихъ, — затворяютъ очи, не искаютъ болѣе. Душа сходитъ съ духовной высоты, гдѣ не можетъ видѣти чисто, и слѣпо передается обученію матеріи. На этомъ полѣ, — ничего говорить, — блестить модерный умъ ; но о Богѣ, одушѣ, о будущей жизни ничего не знать

нашъ вѣкъ. Чего изобрѣлъ? Чего оставитъ потомству? Ничего!

Но это еще не все. Всѣ мы люди, мы конечно должны бы знати, откуду происходимъ и куда идемъ, что цѣль наша; безъ сего не лъзя жити намъ въ покоѣ. Какъ жити въ мирѣ, въ покоѣ, если не знаемъ, что такое человѣкъ, что такое твореніе; если это все тайна и загадка предъ нами? Безъ знанія всего этого жити въ мирѣ — безсмыслица.

Миръ! миръ! Кто дастъ мнѣ миръ? воскликнулъ Нерваль Жерардъ. Мнѣ нужно море мира, чтобы затопити въ немъ печаль свою. Но какъ имѣти намъ миръ, если не имѣемъ путеводителя; если ни малѣйшая руководящая звѣзда не сіяеть надъ нами?"

А если нѣтъ у насть мира, если съ дня на день тамъ ощущаемъ въ груди нашей когти коршуна, если уныніе, если грусть вмѣстѣ съ нами ложатся на постель нашу: какъ была бы у насть сила для правленія жизнію нашою, какъ могли бы мы достойно носиги человѣческій вѣнецъ свой?

Съ миромъ потеряетъ человѣкъ всѣ радости свои. Живительныя надежды, солодкіе сны отлетятъ отъ души. Скука, и отвращеніе сдѣлаются сожителеми ея. — „Для чего такъ пуста мнѣ земля?“ — говоритъ одинъ изъ тѣхъ юношей, которыхъ червь сомнѣнія въ цвѣтѣ лѣтъ зачалъ

глодати. — „Не могу наполнитися, вездѣ вижу пустоту. Скука мучить, отвращеніе ото всего огорчаетъ меня“.

Вотъ въ какую пропасть поваляется безвѣrie; но это еще не все; есть еще что-то ужаснѣйшее, чѣмъ сомнѣнія души. Не смотря на то, что кто-то невѣрюетъ, — жизнь однако отлетить отъ него. Труждаюся, все везетъ мнѣ; но и наконецъ я дожилъ уже до пятьдесятъ, шестьдесятъ лѣтъ; я достигъ цѣли своей, — но тамъ при концѣ зѣваетъ смерть. Я великосвѣтская дама, блещу до часу, до времени, а послѣ конецъ; что ожидаетъ меня? старость. Это конечно печально.

Всѣ умираютъ вокругъ меня. Вотъ одинъ отецъ: у него прекрасная дочь, которая умираетъ въ часъ своей шестьнадцатой весны. Для чего? Вотъ опять одинъ молодой человѣкъ, только вчера оженился: и счастіе его уже сокрушилось; молодая супруга его неожиданно умерла. Для чего? Онъ того не знаетъ. Сидить во тѣни смертнѣй. Обое поражены, безмолвны, — не знаютъ куда подѣлись любезные ихъ, и увидятся-ли вновь когда-то: вотъ люди модернаго вѣка! — Древніе вѣка имѣли своего сфинкса, который задавалъ загадки, и кто не съумѣлъ отгадать ихъ, того прожиралъ. Съ ссылкой религіи этотъ сфинксъ опять появился, и опустошаетъ человѣчество. Врачи констатировали, что половина людей умираетъ отъ печали; а одинъ поэтъ утвер-

ждалъ, что отчаяніе убиваетъ ихъ. Я искусилъ, что души подъ ударами жизни скоро падаютъ; самые красивѣйшіе таланты пропадаютъ; а у другихъ сейчасъ вымираетъ жизнь. Ахъ, идѣтъ нашего вѣка очень больны! Самоубійства умножаются, съумашествіе дѣлается все частѣйшимъ; вездѣ печаль: скука, неумолимая скука вгнѣздилаſь въ глубинѣ и самихъ красивѣйшихъ душъ, чтобы сдѣлать ихъ созрѣлыми для отчаянія, для самоубійства. Дѣти нашего вѣка находятся во тьмѣ и сѣни смертнѣй.

Рускій эпосъ.

(Конецъ.)

Къ младшимъ богатырямъ причисляются еще Добрыня Никитичъ, съ которымъ именемъ встречаемся и въ русскихъ хроникахъ; онъ называется въ нихъ дядею князя Владимира, а по сказочнымъ преданіямъ онъ былъ племянникомъ (*k t test-v rgyermek*) князю. Эпосъ отзываетъся о немъ почтительно. Происхожденіе его благородное, — у него какое-то „вѣжество“ т. е. знаніе съ кѣмъ какъ обходиться, — въ подвигахъ его видно рыцарство (*lovagiass g*), въ приемахъ изящество и мягкость. Опять другой богатырь Алеша Поповичъ, сынъ ростовскаго священника, который отличается смѣлостью; но если кажется необходимымъ, то онъ готовъ привести въ дѣйствіе и обманъ, ударити изподтишка, и проч. Онъ „жен-

скій пересмѣшничекъ“, „судейскій перелестничекъ“. Другой богатырь Потокъ Михайло Ивановичъ, представляющій броженіе, кочевье (nom d  let). Онъ богатырь-бродяга. Славна его женитьба на Авдотюшкѣ Лиховидьевной, съ которой у него былъ такой договоръ, что оставшійся въ живыхъ изъ между супруговъ долженъ будеть слѣдовати за умершимъ въ могилу. Авдотюшка умерла раньше, и ее перевезли на саняхъ (древній обычай перевозити умершихъ на саняхъ) къ собору, похоронили въ яму глубокую и великую по двадцати сажень, куда мужъ слѣдовалъ за ней, но въ могилѣ воскресиль ее водою, которую принесъ подземельный змѣй. — Былиещебогатыри: Соловей Будимировичъ, Василій Буслаевичъ, Садко богатырь гость, прославившійся разными богатырскими подвигами. Послѣ богатыри исчезли на русской землѣ. Былина и этого обстоятельства не оставила безъ примѣчанія. Есть цѣлое сказаніе, для чего витязи перевелись на святой Суси. Приведемъ кое-что изъ этого сказанія:

„Выѣзжали на Сафатъ-рѣку,
На закатѣ краснаго солнышка,
Семь удалыхъ русскихъ витязей,
Семь могучихъ братьевъ названныхъ:
Выѣзжалъ Годенко Блудовичъ,
Да Василій Казимировичъ,
Да Василій Буслаевичъ,
Выѣзжалъ Иванъ Гостиный сынъ,
Выѣзжалъ Алеша Поповичъ младъ,
Выѣзжалъ Добрыня молодецъ,

Выѣзжалъ и матерой казакъ,
Матерой казакъ Илья Муромецъ.
Передъ ними раскинулось поле чистое,
А на томъ на полѣ старый дубъ стоитъ,
Старый дубъ стоитъ краковястый.
У того ли дуба три дороги сходятся:
Ужъ какъ первая дорога къ Нову-го-
[роду ;
А вторая-то дорога къ столицому Кіеву ;
А что третяя дорога ко синю морю,
Ко синю морю далекому, —
Та дорога прямобѣжая,
Прямобѣжая дорога, прямопутная,
Залегла та дорога ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Становились витязи на распутьї,
Разбивали бѣлъ полотнянъ шатель,
Отиускали коней погулять по чисту полю :
Ходять копи по шелковой травѣ-муравѣ,
Зеленую траву пощипываютъ,
Золотой уздечкой побрякиваютъ ;
А въ шатель полотняномъ витязи
Опочивъ держатъ.
Было такъ, на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Добрыня молодецъ раньше всѣхъ,
Умывался студеною водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чудну образу ;
Видѣть Добрыня за Сафатъ-рѣкой
Бѣлъ полотнянъ шатель :
Въ томъ ли шатель залегъ Татарченокъ,
Злой Татаринъ, бусурманченокъ,
Не пропускаетъ онъ ни коннаго, ни пѣшаго,
Ни єзжаго доброго молодца.
Сѣдалъ Добрыня своего борзаго коня,
Клалъ на него онъ потнички (рoкгócs)
А на потнички коврички,
Клалъ сѣдельцо черкасское,
Клалъ конейце урзамецкое,
Бралъ чингалище (кинжалище tőr) бу-
[латное,
И садился на добра коня ;
Подъ Добрыней конь осержается (сердится),
Отъ сырой земли отдѣляется,

Выходы (lérés) мечеть по мѣрной верстѣ,
Выскоки мечеть, по сѣнной копиѣ.
Подѣзжаетъ Добрыня ко бѣлу шатру
И кричитъ зычнымъ (harsány) голосомъ :
„Выходи-ка Татарченокъ,
Злой Татаринъ, бусурманченокъ !
Станемъ мы съ тобой честный бой держать.“
Втачоры выходить Татаринъ изъ бѣла шатра
И садится на добра коня.
Не два вѣтра въ полѣ слеталися,
Не двѣ туки въ небѣ сходилися :
Слеталися, сходилися два удалые витязя
Ломалися копья ихъ оstryя,
Разлетались мечи ихъ булатные ;
Сходили витязи съ добрыхъ коней
И хватились въ рукоашный бой ;
Правая ножка Добрыни ускользнула,
И валился онъ на сырь землю :
Скакалъ ему Татаринъ на бѣлы груди,
Поролъ ему бѣлы груди,
Вынималъ сердце съ печенью. --
Было такъ на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Алеша Поповичъ раньше всѣхъ,
Выходилъ онъ на Сафатъ рѣку,
Умывался студеною водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чудну образу ;
Видѣть онъ коня Добрынина :
Стоитъ борзый конь осѣдланный и взыз-
[данный,
Стоитъ борзый конь, только не весель,
Потупилъ очи въ сырь землю,
Знать тоскуетъ (busil!) онъ по хозяинѣ (gazda),
Что по томъ ли Добрыни молодецъ.
Садился Алеша на добра коня ;
Осержался подъ нимъ добрый конь,
Отдѣлялся отъ сырой земли,
Металъ выходы по мѣрной верстѣ,
Металъ выскоки по сѣнной кониѣ.
Что не бѣль во поляхъ забѣлѣлася :
Забѣлѣлася ставка (szembeállítás) богатыр-
[ская ;
Что не синь во поляхъ засинѣлася ;
Засинѣлись мечи булатные ;

Что не красъ по поляхъ закраснѣлася;
Закраснѣлася кровь съ печенью,
Подъѣзжаетъ Алеша ко бѣлу шатру, —
У того ли шатра спитъ Добрыня молодецъ:
Очи ясныя закатилися,
Руки сильныя опустилися,
На бѣлыхъ грудяхъ запеклася кровь.
И кричитъ Алеша звучнымъ голосомъ:
„Вылѣзайка ты, Татаринъ злой,
На честный бой, на побраночку!“
Отвѣчаетъ ему Тарченокъ:
— Охъ ты гой еси Алеша Поповичъ младъ!
Ваши роды не уклончивы,
Не уклончивы ваши роды, нѣ устойчивы:
Что не стать тебѣ со мной бой держать! —
Возговорить на то Алеша Поповичъ младъ:
„Не хвалися на пиръ идучи,
А хвалися съ пиру (lakoma) идучи!“
Втапоры выходитъ Татаринъ изъ бѣла шатра
И садится на добра коня.
Не двѣ вѣтра въ полѣ слеталися
Не двѣ тучи въ небѣ сходилися:
Сходилися-слеталися два удалые витязи;
Ломалися копья ихъ острыя,
Разлетались мечи ихъ булатные (aczé!);
И сходили они съ добрыхъ коней,
И хватались въ рукоящий бой.
Одолѣлъ (meggyubte) Алеша Татарина:
Валилъ его на сырь землю.
Скакаль ему на бѣлы груди,
Хотѣлъ ему пороть бѣлы груди,
Вынимать сердце съ печенью.
Отколь тутъ ни взялся черный воронъ,
И вѣщаетъ онъ человѣческимъ голосомъ:
„Охъ ты гой еси Алеша Поповичъ младъ!
Ты послушай меня, черного ворона:
Не пори ты Татарину бѣлыхъ грудей;
А слетаю я на сине море,
Принесу тебѣ мертвай и живой воды;
Вспрыснешь Добрыню живой водой, —
Тутъ и очнется добрый молодецъ.“
Втапоры Алеша ворона послушался.
И леталъ воронъ на сине море,
Приносилъ мертвай и живой воды;

Вспрыскивалъ Алеша Добрыню мертвай во-
[дой :
Сросталося тѣло его бѣлое,
Затягивалися рапы кровавыя;
Вспрыкивалъ его живой водой:
Пробуждался молодецъ отъ смертиаго сна.
Отпускали они Татарина.
Было такъ на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Илья Муромецъ раньше всѣхъ,
Выходилъ онъ на Сафатъ-рѣку,
Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чудну образу ;
Видѣть онъ черезъ Сафатъ-рѣку
Переправляется сила басурманская:
И той силы доброму молодцу необѣхати,
Сѣрому волку не обрыскати,
Чорному ворону не облѣтѣти.
И кричитъ Илья зычнымъ голосомъ:
„Ой ужъ гдѣ вы могущіе витязи,
Удалые братя названные!“
Какъ сбѣгалися на зовъ его витязи,
Какъ садились на добрыхъ коней,
Какъ бросалися на силу басурманскую,
Стали силу колоть, рубить,
Не столько витязи рубятъ,
Сколько добрые кони ихъ тощутъ;
Бились три часа и три минуточки:
Изрубили силу поганую.
И стали витязи похвалятися:
„Не намахалися наши могучія плечи,
Не уходилися наши добрые кони,
Не притушилися мечи наши булатныe!“
И говоритъ Алеша Поповичъ младъ:
„Подавай намъ силу нездѣш-
[нюю, —
Мы и съ тою силою, витязи, сира-
[вимся!“
Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
Такъ и явились двое воителей,
И крикнули они громкимъ голосомъ:
— А давайте съ нами витязи бой держать!
Не глядите, что нась двое, а васъ семеро. —
Не узнали витязи воителей;

Разгорѣлся Алеша Поповичъ на ихъ слова,
Поднялъ онъ копя борзаго,
Налетѣлъ на воителей,
И разрубилъ ихъ по поламъ со всего плеча:
Стало четверо — и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ добрый молодецъ,
Разрубилъ ихъ по поламъ со всего плеча:
Стало восьмеро — и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ,
Разрубилъ ихъ по поламъ со всего плеча:
Стало вдвое больше — и живы всѣ.
Бросились на силу всѣ витязи,
Стали они силу колоть-рубить:
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Не столько витязи рубятъ,
Сколько добрые кони ихъ тощутъ:
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Бились витязи три дня, три минуточки,
Намахалися ихъ плечи могутныя (*нгôs*),
Уходилися кони ихъ добрые,
Притутилися мечи ихъ булатные:
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Испугались могучіе витязи,
Побѣжали въ камennыя горы,
Въ темныя пещеры:
Какъ подбѣжитъ витязь къ горѣ,
Такъ и окаменѣтъ;
Какъ подбѣжитъ другой,
Такъ и окаменѣтъ;
Какъ подбѣжитъ третій,
Такъ и окаменѣтъ. . . .

Вотъ какимъ образомъ перевелися
витязи на святой Руси. Ничто не
могло сломити ихъ, ни жиды, ни языч-
ники (Поганое Идолище), ни татар-
ская басурманская сила; а сломила
ихъ гордость, охота похвалитися; сло-
мило ихъ то, что захотѣли сладитися
съ силою „нездѣшнею“, сверхъ-
естественною, тутъ они и стали по-

бѣжденными, пустились бѣжати въ
горы и окаменѣли поочреди. И такъ
днесъ уже нѣть витязей на Руси, —
конецъ эпосу.

Изъ Болгарской поэзіи.

Д у м а.*)

Вы меня не хороните
Подъ сырой землею —
Лучше въ полѣ завалите
Зеленої травою.

Въ головахъ пусть зеленѣютъ
Яворъ и рябина,**)
А въ ногахъ — на память людямъ —
Красная калина.

И придетъ меня провѣдать
Другъ мой, — сердцу милый,
И увидитъ онъ калину
Надъ моей могилой —

И вздохнетъ, и съ тихой грустью
Обо мнѣ вспоминаетъ —
И слеза съ его рѣчицы***)
Мнѣ на сердце канеть. — †)

*) Авторъ „Думы“ Любенъ Каравеловъ, дѣятель Болгарскій, (о которомъ много упо-
минается теперь въ газетахъ) родился въ
тридцатыхъ годахъ въ Конривштицѣ, по-
граничномъ селеніи, отдѣляющемъ Оракію
отъ Болгаріи, отъ зажиточныхъ родителей,
занимавшихся овцеводствомъ. 1863—1866.
года жилъ въ Москвѣ, гдѣ кончилъ курсъ
университетскій. К.

**) Рябина = vad berkenyefa.

***) Szempilla. — †) Канеть = сөрред.

Изъ Словѣнской поэзіи.*)

Сава.

Шумитъ, шумитъ серебряная Сава,
Реветь межъ горъ, змѣится по лугамъ:
Она спѣшить къ славянскимъ городамъ,
Родная дочь могучаго Триглава.**)
О, Сава ты волной своей поиши
Своихъ сыновъ и вѣрныхъ и могучихъ,
И въ ихъ сердцахъ воинственныхъ, кипучихъ
Геройскій духъ питаетъ и крѣшишъ.
Кто пьетъ твою серебряную воду,
Тотъ жизнь свою всегда отдать готовъ
За край родной, за славу и свободу,
Въ того она вселяетъ духъ отцовъ
И въ немъ любовь къ его отчинѣ милой
Горитъ огнемъ — и здѣсь и за могилой.

Изъ Сербской поэзіи.

Къ моей лирѣ.

Дней радостныхъ, печальныхъ
Сопутница моя,
О, лира, даръ высокій,
Пусть льется пѣснь твоя!

*) Словѣнцы, или Хорутане живутъ на крайнемъ западномъ рубежѣ славянства, въ точкѣ его соприосновенія съ романцами и германцами. Словѣнцы географически ограничены рѣками: Рабой (Raab), Мурой (Mug) и Дравой — на сѣверѣ, Карнійскими Альпами и Тріестскимъ заливомъ — на западѣ. Центръ этой народности (1,260,000 душъ, по Фиккеру) находится въ Крайнѣ (Нѣгогтхум Kraint). Авторъ стихотворенія „Сава“ Лавръ Томашъ адвокатъ, родился въ 1827. году. Въ 60-хъ годахъ былъ членомъ Вѣнскаго райхсрата. 1870. г. выступилъ изъ него и тогоже года померъ въ городкѣ Родавиѣ. Кр.

**) По нѣмецки: Terglau, гора между Герцеговиною и Корутапскою (Сиринтия) областью Австріи. К.

Течетъ день майскій ясно
Надъ Новымъ-Садомъ здѣсь,
Надъ Карловцами тоже:
Людъ радостенъ имъ весь.
Надъ Шишатовцемъ*) туча
Сгустилась и грозитъ
Лозамъ,**) пугаетъ колось.
Громъ дерево разить.
Я не страшусь съ тобою
Сопутница моя;
Держа тебя рукою,
Небезпокоюсь я.
Желѣзного терпѣнья
Облекшись во броню,
Легко сношу всѣ бѣды,
На цѣль мою смотрю.
Какую цѣль? не тайна!
Къ чужимъ не полетитъ
Мой духъ. Летѣть онъ къ свѣту
Желаніемъ горитъ:
Хранить языкъ и вѣру,
Пѣть пролитую кровь,
Обычаи народа,
Взаимную любовь;
Творить добра настолько
Соотчичамъ и всѣмъ,
На сколько Фебъ, Минерва
Миѣ дали. Больше чѣмъ?
Когда миѣ громъ на тѣмя
Падетъ — вѣнецъ сплетутъ
Миѣ сестры музы, имя
На небо вознесутъ.

Авторъ „Лиры“ Лукіанъ Мушицкій, архимандритъ Шишатовецкій, потомъ епископъ Карловицкій (Кагорувáрос) въ Хорватії, у сербовъ. Родился 1777. г. въ Темериї. † 1837. К.

*) Имя монастыря, где авторъ пребывалъ.

**) Винограднымъ ягодамъ чрезъ градобіеніе.

Изъ Хорватской поэзіи.

Славянки.

1.

Красота полудня,
Далматское море!
Наше ты веселье
И горкое горе!

Тяжело на свѣтѣ
Безъ тебя далмату:
Для тебя пошолъ онъ
Въ слуги къ супостату!

Всѣхъ ты одарило
Серебромъ и златомъ,
Недало лишь только
Ничего далматамъ.

Сжался ты надъ ними,
Удѣли хоть малость
Изъ того, что прочимъ
Отъ тебя досталось!

2.

Твердая твердыня
Чорная гора ты!
Знаютъ перезнаютъ
Тебя супостаты!

Голы твои скалы,
Голы твои дѣти,
Да пѣтъ ихъ славнѣе
Ничего на свѣтѣ.

Честь опи и гордость
Славянского рода:
Живетъ между ними
На горахъ свобода.

Доблестныя скалы,
Нуженъ мигъ единий,
Чтобъ для насъ вы стали
Меккой и Мединой!

3.

Балканы, Балканы
Родила болгарства!
Первое здѣсь было
Славянское царство.

Рать враговъ и персовъ
Здѣсь роги сломила;
Здѣсь и Византійской
Гордости могила.

Что-жь теперь спокойно
Смотришь, Балканъ старый,
Какъ настъ греки рѣжутъ,
Турки, скинетары?

Ринь свои хоть воды
Съ сумрачнаго тѣмѧ,
Затопи ты ими
Вражеское племѧ!

4.

Милыя вы горы,
Хорватскія горы!
На вашихъ вершинахъ
Ростутъ темны боры.

Многія родились
На горахъ тѣхъ мысли,
Что потомъ явились
На Савѣ и Вислѣ.

Сколькихъ селъ и градовъ
Вѣрною вы стражей;
Не легко доступны
Для дерзости вражей.

Да бѣда: забрались
Къ намъ сюда въ ущелья,
Пуще силы вражей,
Лѣнность да бездѣлье!

5.

Тяжкихъ бѣствій память,
Бѣлая гора*) ты!
Будь твои вершины
На вѣки прокляты!

Той порѣ свершилось
Двѣсти лѣтъ ужъ цѣлыхъ,
Какъ стала ты гробомъ
Столькихъ чеховъ смѣлыхъ.

Съединись съ Балканомъ
Въ дружбѣ и любови:
Можетъ-быть, рождаются
Дѣти чешской крови;

Можетъ-быть, минуютъ
Дни небесной кары
И воскреснутъ снова
Чехъ и Оттокары.

Авторъ предстоящихъ стиховъ Иванъ Кукульевичъ -- Сакчинскій, большій приверженецъ иллиризма, родился 1816. г. въ Вараждинѣ. Въ 1833. году поступилъ въ военную службу и прослужилъ въ угорской гвардіи, въ Вѣнѣ, до 1840. года. Въ 1850. г. его стараніемъ было основано Общество Юго-Славянской Исторіи и Древностей, котораго стался президентомъ. Незнаемъ, живетъ-ли еще?

К.

Письмо въ редакцію.

Изъ Села, 10. (22.)-го ноября 1887.

Спасибо Вамъ, Г. Редакторъ, что, и при денежныхъ недоимкахъ и даже затратахъ, не упали духомъ — и какъ жертва гражданскаго, народного подвига, задумали и впредь издавати „Листокъ“, эту единственную у насть русскую газетку!

*) Гдѣ чехи поражены, утратили свою независимость 8. ноября 1620.

Наша публика малочисленна, холода и руководится какимъ-то ложнымъ пугаломъ. -- Небыло и прежде иначе; Духновичъ жаловался на равнодушіе публики, неразкупавшей изданныя имъ книжочки. „Карпатъ“ органъ епархіального правленія, „общества св. Вас.“ „литературный, общественный и хозяйственный“, вручаемый консисторскою куррендой, въ каждомъ Нръ своемъ молилъ о недоимки читателей, даже и тѣхъ, которые ему обратно посылали его газету. Всего лучше стоялъ „Свѣтъ“ за прежнихъ временъ.

Эта материальная сторона. Обратимъ вниманіе на содержаніе. Нашъ „Листокъ“ не занимается ни политикою, ни оскорблениемъ поодинокихъ личностей и ихъ убѣжденій; а все-таки нѣтъ у него довольноаго числа подписчиковъ. Читается по большей части священниками, которыхъ въ 2-хъ нашихъ епархіяхъ довольноное количество, а всетаки не подпираютъ единственную свою газетку. — „Послѣ насть, — какъ выражился однажды пок. Духновичъ, — уже только цыганы; — изъ русина все будетъ, только русинъ нѣтъ!“

Авосьчиною этого равнодушія вялость якобы журнала? Но тому мы, интеллигенція причиной.

Мы священники, учители сельскіе, живя между народомъ нашимъ въ Карпатскихъ горахъ, могли бы много причинити къ внутренней цѣнности нашего органа, почерпая изъ немут-

наго ѹлюча (forrás) народной жизни нашего люда.

Какъ прекрасно было бы, собирати народныя повѣрья (monda) и обычаи, замѣчательныя и историческія мѣстности, характеры, отличительныя черты народа, который почти въ каждой окрестности обозначается особенными и свойственными примѣтами, — изображеніе народныхъ праздниковъ, описание путешествій нашихъ земляковъ, записки изъ жизни и минувшости любаго прихода (каковыя напр. имѣются и у О. Андрея Поповича въ В. Копани) и пр. и пр. Все это вмѣстѣ составляетъ богатые материаалы для нашего предпринятія, и наши читатели, у которыхъ мы предполагаемъ столь усердія и у которыхъ довольно терпѣнія принятися на минуту за перо, вступивъ съ нашимъ органомъ въ такое взаимоотношеніе, не только удовлетворять собственнымъ желаніямъ, но заслужать также благодарность прочихъ читателей, которые со своей стороны доведутъ до свѣдѣнія первыхъ все любопытное, относящееся къ своимъ окрестностямъ. *Viribus unitis!*

Особенно мы обращаемъ вниманіе читательства на языкъ народный, который у насъ едва-ли не въ каждомъ селѣ подверженъ различнымъ измѣненіямъ. — Можно бы хотъ при случай предплаты, собрати для нашей газеты всѣ слова и формы языка, какія быти могутъ въ разныхъ окрестностяхъ. Наши карпатскія горы представляютъ къ

тому преогромный кладъ (kincs). Трудъ не былъ бы большой, но польза существенная; она освободила бы нѣмствующее наше слово. . . .

Къ изученію, къ образованію нашего языка мы имѣемъ довольно средствъ вспомогательныхъ. Первое мѣсто тутъ занимаетъ языкъ Церковно-Славянскій, тотъ языкъ, на которомъ переведена наша библія, который изъ древле употребляли духовные наши писатели, съ множествомъ измѣненій, подъ именемъ старо-славянскаго, языкъ нашего св. Писанія и духовнаго славословія, языкъ, которымъ, по нынѣшній день, исполняемъ наше Богослуженіе и содня на день бесѣдуемъ съ Всевышнимъ, языкъ, который, по нынѣшній день, такъ рѣзко запечатлѣлъ простонародный языкъ народа Карпатскаго.

— Тѣмъ языкомъ намъ нисколько нельзя пренебрегати, напротивъ, сорвениемъ должны мы изучати его критически; ибо, какъ же намъ непонимати языкъ, которымъ молимся, какъ не понимати точно его смыслъ?*) Да только въ немъ, къ сожалѣнію, сбереглася у насъ древняя, коренняя, чистая стихія русскаго языка и русской жизни! И возможенъ-ли на примѣръ Историкъ, Филологъ, или, хоть бы самый худый литераторъ-новичекъ, если бы онъ не былъ предварительно познакомленъ съ языкомъ, который олицетворилъ въ себѣ духъ древней славянщины?

*) Будемъ молитися по мадярски!

Раскройте эту богатую, старинную сокровищницу, тогда очамъ вашимъ откроется новый кладъ, непочатый!

И. Васильевичъ.

Полумѣсячное обозрѣніе.

— По поводу юбилейного торжества Его Святѣйшества папы Льва XIII. путешествующіе въ Римъ паломники изъ Угорщины были представлены Его Святѣйшеству въ червономъ залѣ примасомъ Угорщины Ioannomъ Шиморомъ, и уже вернулись домой, принося съ собой благословеніе для всей Угорщины. — Его Святѣйшество по поводу своего юбилея благоизволилъ издати приблизительно слѣдующее посланіе: „Левъ XIII. папа, всѣмъ вѣрующимъ во Іисуса Христа, до кого дойдетъ сіе посланіе, привѣтствіе и апостольское благословеніе! . . . Въ первый день наступающаго года, если дозволитъ Богъ, мы будемъ совершати торжественное празднованіе нашего юбилея, и по этому случаю всѣ народы вселенной и каждое семейство въ отдельности ликуютъ радостію велий, принося намъ волею Божіею посаженнымъ на возвышенномъ сѣдалищѣ св. Петра — всяческія торжественные выраженія своей вѣры, любви, уваженія и благожеланій. Мы приемлемъ эти выраженія съ благодарностію Богу, который утѣшаетъ насъ въ нашей печали, и молимъ Его благословити стадо Господне, быти милостиивымъ къ нему и даровати ему давно

желаемый миръ и согласіе . . .“ Послѣ этого удѣляеть Его Святѣйшество индульгенціи всѣмъ, принимающимъ участіе въ Его юбилейномъ торжествѣ. И то полную индульгенцію тѣмъ, которые придутъ въ Римъ, и которые хотя и дома исполнять всѣ предписаныя условія и въ день юбилея будутъ молитися за добрый миръ и согласіе между христіанскими государями, за прекращеніе ересей, за покаяніе грѣшниковъ и торжество каѳолической церкви. Всѣмъ прочимъ вѣрникамъ даруетъ Его Святѣйшество отпущеніе епитиміи, которую бы имъ слѣдовало нести въ теченіи трехъ сотъ дней. Индульгенція эта можетъ приспособлена быти *reg modum suffragii* и душамъ находящимся въ чистилищѣ.

— Намъ слѣдовало бы предложить въ сихъ послѣднихъ Нрахъ сего года все замѣчательное, что черезъ годъ происходило на Угорской Руси. Но тщетно оглядываемся, не находимъ ничего, что могло бы свидѣтельствовать о нашей жизни. Мы погружены въ бездѣйствіе, въ сонъ, и не чудо; ибо у насъ много такихъ людей, которые во всякомъ дѣйствованіи въ пользу народнаго просвѣщенія любятъ видѣти что-то противузаконное; которые пугаютъ, страшать насъ, — и какъ мы ежедневно испытываемъ, страшать съ успѣхомъ, — ибо и тѣ не многіе люди, которые могли бы дѣйствовать на народной нивѣ, у которыхъ много таланту и

бѣстроумія, — и тѣ затаились во свои пещеры, передались бездѣйствію, — спять, — разсуждая, что лучше бездѣльничати, чѣмъ дѣйствованіемъ заслужити себѣ подозрѣніе и преслѣдованіе. — Многіе думаютъ такъ, — но это сожалѣнія достойное умствованіе. Мы стоимъ подъ охраною законовъ, подъ охраною законовъ находится и каждое благородное и законное дѣйствованіе. Иль образовати свой языкъ, усиловатися — высвободитися изъ нынѣшней темноты ис законноє, не благородное дѣло? Иль хорошее-ли, благородное-ли дѣло и на далѣе коснѣти въ бездѣйствіи и темнотѣ, и равнодушно призиратися, какъ преуспѣваютъ около насъ прочіе народы, и какъ отстаемъ мы во всѣхъ отношеніяхъ отъ нихъ, и какъ низводимся на ту степень неразвитости, на которой стоять днесъ уже только одни кочевые цыганы? Бездѣйствіе не можетъ имѣти иного плода и слѣдствія кромѣ того, — что каждый будетъ съ презрѣніемъ отзыватися о нась, — а когда исчезнемъ съ лица земли, то въ исторіи оставимъ за собой одну грязную страницу, которая будетъ отвращеніе возбуждати къ намъ у читающаго потомства. — Сего года не въ состояніи проуказати мы ничего назидательнаго. Народы преуспѣваютъ, а мы не сдѣлали ни одинъ шагъ на впередъ; всѣ чувствуемъ, что у нась замѣчателенъ не прогрессъ, но регрессъ. Общество св. Василія В. не проявило ни малѣйшаго знака жизни; въ дѣлѣ об-

ществъ трезвости, не смотря на частократные отзывы благонамѣренныхъ людей, не сдѣлано ничего, наши школы въ давнемъ коснѣющемъ состояніи; вся угорская Русь не издала для нихъ ни одной азбуки; пусть учатся дѣти и учатъ учители изъ чего хотятъ и какъ имъ угодно; обѣ индустріи, торговлѣ, промыслѣ нечего и говорити; бѣдствія изъ каждого боку растутъ: а слава и честь нашей интеллигенціи съ дня на день пропадаетъ. А всему причиною мы сами: наше бездѣйствіе, апатія ко всему благородному, наша ребяческая робость, неумѣстная трусливость и никакъ не вызванное, отвратительное раболѣпство! Иль мы такъ малолѣтны еще, что не знаемъ, что свободно и что нѣтъ, что благородно и что осужденія достойно? — Дай Богъ, чтобы мы уже разъ вышли изъ своего бездѣйствія и занялись благороднымъ трудомъ въ пользу церкви, отечества и народа нашего!

— Въ день введенія пресвятой Богородицы во храмъ минули два года, какъ упокоился нашъ безкорыстный, трудолюбивый дѣятель О. Іоаннъ Раковскій. Въ жизни не могъ онъ удостоится заслуженной признательности, въ скромномъ кругѣ, какъ простый приходскій священникъ трудился онъ въ пользу церкви, народа и отечества. Бѣдная угорская Русь не могла вознаградити его. — Мы и такъ токмо послѣ смерти нашихъ заслужившихся людей, звыкли

Отдавать имъ данъ признательности.
— Имя и память Отца Раковскаго будеть вѣчна у насть, и не токмо у насть, но и у всего славянства. Вспомнемъ объ Отцѣ Иоаннѣ во своихъ къ Господу молитвахъ, и не забудемъ поставить частицу въ часъ Божественной літургіи о душѣ его. Вѣчная ему память!

— Галицкая Русь празднуєтъ 40. лѣтній ювилей литературнаго дѣйствованія своего ученаго дѣятеля О. Антонія Петрушевича, каноника Львовскаго митрополическаго капитула. О. Антоній Петрушевичъ родился 1821. г. Рукоположенъ 1847. г. а 1862. г. возведенъ въ каноники. Литературную дѣятельность свою зачалъ онъ съ 1848. года, — и съ тѣхъ поръ трудится неутомимо по днесъ. Чтобы достойно цѣнити дѣятельность О. Ант. Петрушевича, вспомнемъ, что до сихъ поръ напечаталъ онъ до 120 научныхъ статей, составилъ этимологический словарь, простирающійся до 300,000 полулістовъ, и содержащій до сихъ поръ этимологическое изслѣдованіе до миллиона словъ. Кромѣ сихъ трудовъ есть еще у него до двѣнадцати научныхъ статей, готовыхъ къ изданію. Въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ онъ много занимался и нашою угорскою Русью. Когда мы съ своей стороны отаемъ достойную честь и признательность О. Ант. Петрушевичу, изъ сердца желаемъ, чтобы Господь Богъ хранилъ его намъ, въ бодрости духа еще на многія лѣта!

Церковныя проповѣди.

Слово въ день Собора Пресвятыя Богородицы.

„Онъ же воставъ, чоѧть отрока и матерь его иощю, и отъиде въ Египетъ“. (Мате. 2, 14.)

Вчера праздновали мы, христіане, рождество Іисуса Христа; днесъ празднуемъ пресвятой Богородицѣ, которая удостоилася родити Богочеловѣка.
— Св. церковь называетъ днешній праздникъ „Соборомъ Пресвятой Богородицы“, ибо днесъ, гдѣ это возможно, Богослуженіе совершается цѣлымъ соборомъ священнослужителей, въ честь Божіей Матери.

Вы могли поразумѣти, что днешнее св. Евангеліе говорить о бѣгствѣ Іосифа, и преблагословенной Божіей Матери съ Божественнымъ отрокомъ въ Египетъ. Іисусъ Христосъ, только-что народился на сей свѣтъ, только-что явился между нами, и уже принужденъ бѣгствомъ спасати жизнь свою, принужденъ скрыватися въ Египтѣ, ибо тѣ люди, для которыхъ спасенія явился Онъ на землѣ, искаютъ погубити Его! Божественный Отрокъ отъ самой колыбели своей терпитъ гоненія и преслѣданія; Божественная матерь Его, какъ скоро породила сына, уже принуждена трепетати за жизнь Его; люди являются жестокими и свирѣпыми, ибо не щадять и маленькихъ, ни противъ кого не провинившихся отроковъ, только, чтобы довлетворити честолюбію